
Елена Неделько
Пепел твоих крыльев
18+

Елена Неделько

Пепел твоих крыльев

https://litres.ru/74723019
SelfPub; 2026

Аннотация

Он — монстр, который не умеет чувствовать. Она — воровка, чья кровь может дать ему всё. Их связь опасна. Их желание смертельно. Их любовь — единственное, что может их спасти.

В мире, где падшие ангелы поработили людей, Ада выживает как может — торгует краденным, спасает сестру из долговой тюрьмы. Она не знает, что в ней спит дар, который Рефаимы ищут сотни лет.

Кассиан — генерал Рефаимов. Пожиратель душ. Он не чувствует ничего, кроме голода. Он не знает жалости. Он не умеет любить. Пока не встречает её. Девушку, чья кровь может дать ему то, чего он был лишён.

Он предлагает сделку. Она соглашается, не зная, что каждое прикосновение отнимает у неё часть души. Не зная, что его голод может убить её. Не зная, что между ними вспыхнет нечто большее, чем ненависть.

Но когда прошлое Кассиана возвращается, чтобы уничтожить их обоих, когда война стоит на пороге — они должны решить: отступить или бороться. За себя. За друг друга. За мир, где монстры могут чувствовать.

Содержание

Глава 1. Запах долга 4
Глава 2. Цена прикосновения 13
Глава 3. Правила, которые мы нарушим 23
Глава 4. То, что осталось от крыльев 35
Глава 5. Доверие на кончиках пальцев 46
Глава 6. Тот, кто видел слишком много 53
Глава 7. Оружие 62
Конец ознакомительного фрагмента. 70

Елена Неделько
Пепел твоих крыльев

Глава 1. Запах долга

Кровь на моих пальцах ещё не высохла, а я уже знала, что совершила ошибку.

Не потому, что кража была грехом — в Нижнем городе грехом считается только бедность. А потому, что я оставила след. Тонкую багряную нить на белом мраморе, которую заметит любой Рефаим, стоит ему принюхаться.

Я прижалась спиной к холодной стене переулка, зажимая порез на ладони. Стекло витрины оказалось толще, чем я думала. Хлеб, который я успела схватить, лежал теперь в грязи — три медяка, ради которых стоило бы и умереть, если бы у меня был выбор.

— Глупо, — прошептала я себе под нос. — Ада, это было очень глупо.

Где-то над крышами трубно завыл сигнальный рог. Стража. Я узнала этот звук — низкий, протяжный, как стон уми-

рающего зверя. В Нижнем городе его ненавидели все. Он означал, что Рефаимы спустились с Небесного яруса и теперь прочёсывают улицы.

Я нырнула глубже в переулок, перепрыгнула через сточную канаву, едва не поскользнулась на гнилой доске. Сердце колотилось где-то в горле. Пять минут. Мне нужно было всего пять минут, чтобы добраться до канала, где ждала лодка, а там — через чёрный ход в трактир «Три пальца», а там...

— Стой.

Голос был тихим. И он не принадлежал человеку.

Я замерла. Не потому, что хотела — тело просто отказалось двигаться. Так бывает, когда слышишь шипение змеи за мгновение до броска.

Он стоял в конце переулка. Высокий, в чёрном плаще с серебряной вышивкой на вороте — герб Рефаимов, крыло, пронзённое мечом. Лица не было видно: капюшон отбрасывал тень, из которой проступал только бледный подбородок и линия губ — тонкая, спокойная, будто он обсуждал погоду, а не ловил воровку.

— Ты оставила кровь на витрине, — сказал он. — Неак-

куратно.

Я сжала кулак, чувствуя, как порез снова открывается. Кровь засочилась сквозь пальцы, тёплая, липкая.

— У меня нет денег, — выпалила я. — Если вы за долгом — у меня правда нет. Я верну. Я...

— Я знаю, что у тебя нет денег. — Он сделал шаг вперёд. Плащ шевельнулся, и я уловила запах — не пота и не грязи, как от людей в Нижнем городе. Пахло грозой и чем-то ещё, сладковатым, дурманящим. — Я здесь не за деньгами.

Он поднял руку и откинул капюшон.

Я видела Рефаимов раньше. Издалека, с крыш, когда они проходили по главной улице в своих серебряных доспехах. Они казались статуями — слишком красивыми, слишком ровными, слишком чужими.

Этот был другим.

Лицо — да, красивое, но не в человеческом смысле. Слишком резкие скулы, слишком бледная кожа, будто он никогда не видел солнца. Но глаза... глаза были не серебряными, как у остальных. Тёмными. Почти чёрными. И в них не

было ни презрения, ни скуки, с которыми Рефаимы обычно смотрели на людей. Было что-то другое. Голод.

— Ты пахнешь иначе, — сказал он, и я поняла, что он действительно принюхивается. Ноздри его дрогнули. — Не как остальные.

— Отпустите меня, — прошептала я. — Пожалуйста. У меня сестра. Если я не вернусь до рассвета, её...

— Я знаю о твоей сестре. — Он склонил голову набок. — Мира. Долговая тюрьма на Пепельном ярусе. Тридцать серебряных монет, которые ты не заработаешь и за десять лет.

У меня перехватило дыхание. Он знал. Он знал её имя. Знал сумму.

— Что вам нужно? — спросила я. Голос предательски дрогнул.

Он улыбнулся. Улыбка была не злой — скорее усталой, будто он проделывал этот разговор сотню раз и каждый раз уставал одинаково.

— Мне нужно, чтобы ты не убегала, когда я скажу. — Он

сделал ещё шаг. Теперь между нами было не больше двух локтей. — Я искал тебя три месяца. С тех пор как ты украла кольцо у моего лейтенанта и он не смог тебя догнать. Обычный человек не может обогнать Рефаима. Ты — смогла.

Я вспомнила тот день. Кольцо я продала за два серебряных — целое состояние. Лейтенант был пьян, но это не оправдание. В ту ночь я впервые почувствовала, что моё тело движется быстрее, чем должно. Будто внутри меня проснулось что-то, что спало годами.

— Я просто быстро бегаю, — соврала я.

— Нет. — Он поднял руку и коснулся моей щеки. Пальцы были ледяными. Я дёрнулась, но он не отстранился, только провёл большим пальцем по скуле, будто стирая грязь. — Ты — Проводник. Я чувствую это через кожу. Твоя кровь... она поёт. Знаешь, что это значит?

Я знала. Проводники рождались раз в сто лет. Люди, чья кровь могла на время дать Рефаиму то, чего они лишились, падая с Небес — эмоции. Настоящие, живые, человеческие. Радость. Боль. Страх. Любовь. Рефаимы не чувствовали ничего, кроме голода и холода, и Проводники были для них наркотиком.

— Вы хотите меня использовать, — сказала я. Это был не вопрос.

— Я хочу предложить тебе сделку. — Он убрал руку. — Ты станешь моим якорем. На год. Будешь рядом, будешь давать мне... то, что нужно. А я заплачу долг твоей сестры и вытащу её из тюрьмы. Сегодня же.

Мир покачнулся.

— Вы врёте.

— Рефаимы не врут. — В его голосе мелькнуло что-то похожее на обиду. — Мы не умеем. Это... неудобно.

Я не поверила. Не могла поверить. Слишком гладко, слишком щедро. В Нижнем городе за щедрость всегда платят кровью.

— Что я должна делать? — спросила я. — В чём это будет... заключаться?

Он посмотрел на меня долгим взглядом. В темноте его глаза казались бездонными.

— Разное. Иногда просто стоять рядом. Иногда говорить

со мной. Иногда... — Он замолчал. На секунду мне показалось, что ему неловко. — Иногда позволять мне касаться тебя. Кожа к коже. Чем сильнее эмоция, тем лучше. Страх тоже подойдёт. Ненависть. Всё, что угодно, кроме равнодушия.

— Вы хотите, чтобы я вас ненавидела?

— Я хочу, чтобы ты что-то чувствовала. — Он наклонился ближе. Теперь я чувствовала его дыхание на своём лице. — Ненависть лучше, чем ничего. Поверь мне.

Я молчала. Где-то в глубине переулка снова завыл рог — ближе. У меня было меньше минуты, прежде чем стража свернёт сюда.

— Как вас зовут? — спросила я.

— Кассиан. — Он выпрямился. — Генерал Кассиан. Но ты можешь звать меня просто... Кассиан. Я не люблю формальности.

В Нижнем городе его звали Пожирателем душ. Я слышала истории: о Рефаиме, который выпивал людей до дна, оставляя только пустые оболочки. Говорили, он делал это не из голода, а из скуки.

— Ада, — сказала я. — Меня зовут Ада.

— Я знаю. — Он протянул руку. — Идём. Твоя сестра ждёт.

Я смотрела на его ладонь. Бледную, длинную, с аккуратными ногтями. Руку, которая убила сотни людей. Руку, которая могла спасти Миру.

— Если вы меня обманете, — сказала я, вкладывая свою ладонь в его, — я вас убью.

Он улыбнулся. На этот раз — искренне.

— Мне нравится твой настрой.

Его пальцы сомкнулись вокруг моих. Ледяные. Крепкие. И в тот момент, когда наша кожа соприкоснулась, я почувствовала это — вспышку, как от удара молнии. Он вздрогнул. Его глаза расширились, и на секунду в них промелькнуло что-то такое голодное и отчаянное, что мне стало страшно.

— Ох, — выдохнул он. — Ты... ты действительно Проводник.

Он не отпустил мою руку. Наоборот — сжал крепче, будто боялся, что я исчезну.

— Идём, — повторил он, и голос его был хриплым. — Нам нужно многое обсудить.

Мы вышли из переулка вместе. Стража прошла мимо — двое Рефаимов в серебряных плащах, — но, увидев Кассиана, они склонили головы и молча отступили.

Я шла рядом с ним, чувствуя, как его пальцы всё ещё сжимают мою ладонь. Где-то впереди ждала Мира. Где-то позади осталась моя свобода.

А между нами — только год, кровь и ненависть, которая, я была уверена, никогда не станет чем-то другим.

Я ошибалась.

Но об этом я узнаю позже.

Глава 2. Цена прикосновения

Долговая тюрьма на Пепельном ярусе пахла ржавчиной и мокрой шерстью.

Я шла за Кассианом по узкому коридору, где стены были увиты кандалами — сотни цепей, прикованных к потолку, и на каждой висел человек. Некоторые спали. Некоторые смотрели. Никто не кричал: кричать здесь было бесполезно.

Мира сидела в дальнем конце коридора, у самой стены. Она была меньше, чем я помнила — будто тюрьма выпила из неё не только годы, но и объём. Волосы, когда-то светлые, стали пепельными. Но глаза — те же. Увидев меня, она дёрнулась вперёд, и цепи на её запястьях звякнули.

— Ада? — прошептала она. — Ада, это ты?

— Я здесь. — Я бросилась к ней, но рука Кассиана легла мне на плечо. Ледяная. Тяжёлая.

— Сначала сделка, — сказал он тихо. — Потом объятия.

Он кивнул тюремщику — тощему Рефаиму с лицом, похожим на высохшую сливу. Тот достал из-за пояса связку

ключей и принялся отпирать замки на цепях Миры. Я стояла, сжав кулаки, и смотрела, как металл падает на пол.

— Тридцать серебряных, — сказал тюремщик, не поднимая глаз. — Плюс два за просрочку. Плюс пять за освобождение вне очереди. Итого тридцать семь.

Кассиан молча бросил ему кошель. Тюремщик поймал, взвесил на ладони, кивнул и растворился в темноте коридора.

Мира встала. Ноги её дрожали. Она сделала шаг ко мне, и я поймала её — худую, лёгкую, как птица с перебитым крылом.

— Ты жива, — прошептала она в моё плечо. — Я думала, ты не придёшь.

— Я всегда прихожу.

Кассиан стоял в стороне, скрестив руки на груди. В полумраке его лицо казалось высеченным из мрамора — ни жалости, ни интереса. Только тонкая полоска губ, сжатых в линию.

— Теперь ты, — сказал он, глядя на меня. — Мира сво-

бодна. Твоя очередь.

Мира отстранилась, переводя взгляд с меня на него.

— Ада, кто это?

— Это... — Я запнулась. — Это мой долг.

Она не поняла. Я и сама не до конца понимала.

Мы вышли из тюрьмы вместе. Мира держалась за мою руку так крепко, что ногти впивались в кожу. На улице было холодно — Пепельный ярус всегда продувало ветрами, — и я сняла с себя шаль, укутав ей плечи.

— Ты поедешь в «Три пальца», — сказала я ей. — Хозяйка тебя приютит. Я договорилась.

— А ты? — Мира посмотрела на Кассиана. — Ты пойдёшь с ним?

— Да.

— Он... — она понизила голос до шёпота, — он Рефаим, Ада.

— Я знаю.

— Они не люди. Они не чувствуют.

— Знаю.

Мира хотела сказать что-то ещё, но передумала. Она обняла меня — крепко, отчаянно, — и убежала вниз по улице, в сторону канала.

Кассиан ждал.

— Домой, — сказал он. И улыбнулся. — Теперь я покажу тебе свой.

Дом Кассиана стоял на границе Верхнего яруса, там, где белые мраморные башни Рефаимов уступали место серому камню. Особняк был огромным — три этажа, окна от пола до потолка, но внутри царила тишина, от которой закладывало уши.

— Здесь никто не живёт, кроме меня, — сказал он, зажигая свечи движением пальца. — Прислуга приходит днём. Ночью я предпочитаю одиночество.

Я стояла в дверях, не решаясь войти. Паркет был чёрным, полированным, и мои грязные ботинки казались на нём оскорблением.

— Проходи, — поторопил Кассиан. — Ты не пленница. Пока.

Я вошла.

Он провёл меня через анфиладу комнат — гостиная с камином, библиотека с книгами в кожаных переплётах, лестница на второй этаж. Я смотрела по сторонам и чувствовала, как внутри растёт странное ощущение: здесь не было жизни. Ни пыли, ни беспорядка, ни следов того, что кто-то здесь ест, спит, дышит. Особняк был декорацией.

— Твоя комната, — сказал он, открывая дверь в конце коридора. — Смежная с моей. Удобно для... сеансов.

Я заглянула внутрь. Кровать, шкаф, окно с видом на город. Просто, но чисто.

— Сеансов, — повторила я. — Так вы это называете?

— А как бы ты назвала? — Он прислонился к дверному

косяку, глядя на меня сверху вниз. — Я не знаю слова для того, что мы будем делать. «Питание»? «Взаимодействие»? «Встречи»?

— «Пытка»?

Он усмехнулся.

— Иногда. Но не всегда.

Я прошла в комнату, села на край кровати. Ноги гудели от усталости. Кассиан остался стоять в дверях, и я чувствовала его взгляд — не тяжёлый, но внимательный, как у хищника, который ещё не решил, стоит ли охота усилий.

— Сегодня, — сказал он наконец. — Начнём сегодня.

— Сейчас?

— Сейчас. — Он шагнул в комнату. Дверь за ним закрылась сама собой — тихо, без скрипа. — Мне нужно... попробовать. Хотя бы раз. Чтобы понять, как это работает.

Я встала. Между нами было три шага. Он не приближался, ждал.

— Что я должна делать?

— Ничего. — Он протянул руку. — Просто дай мне руку.

Я посмотрела на его ладонь. Вспомнила переулок, вспышку, его вздох. Тогда это было не больно. Тогда это было... странно.

Я вложила руку в его.

На этот раз всё было иначе.

Он сжал мои пальцы — крепко, до хруста, — и я почувствовала, как что-то тянется из меня. Не кровь, нет. Что-то глубже. Тепло поднималось от ладони вверх по руке, к плечу, к груди, и с каждым вдохом его становилось больше.

Кассиан замер. Глаза его расширились, зрачки залили почти всю радужку.

— Ещё, — выдохнул он. — Ещё.

— Я не...

— Не сопротивляйся. Просто... чувствуй.

Я попыталась расслабиться, но тело напряглось само собой. Я вспомнила Миру, тюрьму, цепи — и страх, который я подавляла весь вечер, поднялся изнутри, как вода из затопленного колодца. Кассиан вздрогнул. Его пальцы сжались крепче, и на этот раз я вскрикнула — от боли.

— Кассиан, — прошептала я. — Ты делаешь мне больно.

Он не слышал. Глаза его были закрыты, губы приоткрыты, и по лицу разливалось выражение, которого я никогда не видела у Рефаимов — блаженство. Чистое, животное, пугающее.

Я попыталась вырвать руку. Не получилось. Его хватка была железной.

— Кассиан!

Он открыл глаза. В них не было ни голода, ни блаженства — только растерянность. Он посмотрел на свою руку, сжимающую мою, и медленно, будто через силу, разжал пальцы.

Я отшатнулась. На моей ладони остались красные следы от его пальцев, а порез от стекла снова открылся, и кровь закапала на пол — чёрными каплями в свете свечей.

— Прости, — сказал он. Голос был хриплым. — Я... не рассчитал.

— Ты чуть не сломал мне руку.

— Я знаю. — Он отступил на шаг. — Это... сложнее, чем я думал. Твои эмоции — их слишком много. Я не умею дозировать.

Я прижала ладонь к груди. Сердце колотилось, как бешеное.

— Ты сказал, что не умеешь врать. Так ответь честно: ты сможешь меня не убить?

Он молчал. Долго. Слишком долго.

— Не знаю, — сказал он наконец.

В комнате стало тихо. Я слышала, как капает кровь — моя кровь — на чёрный паркет. Кап. Кап. Кап.

— Тогда зачем тебе это? — спросила я. — Если ты рискуешь меня убить?

Кассиан поднял на меня глаза. В них не было ни холода,

ни расчёта. Только усталость — древняя, как сам мир.

— Потому что без тебя я уже мёртв, — сказал он. — Просто ещё не заметил.

Он повернулся и вышел, закрыв за собой дверь.

Я осталась стоять посреди комнаты, прижимая к груди кровоточащую руку, и думала о том, что, возможно, только что заключила сделку с собственной смертью.

А где-то за стеной Кассиан прислонился к двери и закрыл глаза, чувствуя, как по венам растекается чужое тепло — моё тепло, — и впервые за сотни лет ему было не холодно.

Это было хуже любой пытки.

Глава 3. Правила, которые мы нарушим

Утром я проснулась от того, что кто-то стягивал с меня одеяло.

Открыла глаза — и увидела Миру. Она стояла над кроватью, бледная, с тёмными кругами под глазами, и смотрела на меня так, будто я выросла вторую голову.

— Ты чего? — пробормотала я, садясь.

— Ты в особняке Рефаима, — сказала она. — Спишь в его доме. И... — она кивнула на мою руку, — что это?

Я посмотрела вниз. На ладони красовались четыре синяка — идеально круглые, как отпечатки пальцев, — и тонкая багровая линия пореза, который вчера открылся снова.

— Долгая история, — сказала я.

— У меня полно времени. Я теперь свободна, забыла?

Я вздохнула. Встала, натянула вчерашнее платье — помя-

тое, с пятнами крови на подоле, — и рассказала ей всё. Про сделку, про год, про «сеансы». Про то, как Кассиан сжал мою руку и чуть не сломал её.

Мира слушала молча. Когда я закончила, она подошла к окну и долго смотрела на город.

— Ты ненормальная, — сказала она наконец. — Ты понимаешь, что он тебя убьёт?

— Он обещал, что попробует не убить.

— Обещал! — Она развернулась. — Ада, он Рефаим. Они не чувствуют. Они не умеют... — Она запнулась. — Они не умеют любить, понимать, жалеть. Всё, что у них есть — это голод. И ты для него — еда.

— Я знаю.

— И ты всё равно согласилась?

Я посмотрела на свои руки. На синяки. На порез.

— А что мне оставалось?

Мира не ответила. Она подошла и обняла меня — крепко,

как вчера в тюрьме.

— Тогда я останусь, — сказала она. — Пока ты не вернёшься. Я не оставлю тебя с ним одну.

— Мира, ты не...

— Я останусь.

Спорить с ней было бесполезно. Я это знала.

Кассиан появился после полудня.

Я сидела в библиотеке — единственной комнате, где было тепло, — и листала книгу о Рефаимах. Истории, легенды, генеалогия. Мне нужно было понять, с чем я имею дело.

— Ты изучаешь меня, — сказал он от двери.

Я не вздрогнула. Уже привыкла к тому, что он появляется бесшумно.

— Ты изучаешь меня, — ответила я. — Справедливо.

Он прошёл в комнату, сел в кресло напротив. На нём была рубашка без плаща — простая, тёмная, с закатанными рукавами. Я впервые увидела его руки: бледные, с длинными пальцами и сетью тонких шрамов на предплечьях.

— Я хочу извиниться, — сказал он. — За вчерашнее.

— Извинения приняты.

— И предложить правила.

Я закрыла книгу.

— Слушаю.

Кассиан наклонился вперёд, опершись локтями на колени.

— Первое: мы начинаем и заканчиваем по моему сигналу. Ты можешь сказать «стоп» в любой момент, и я отпущу. Второе: кожа к коже — только руки. Пока. Третье: если я теряю контроль, ты должна ударить меня. Желательно в лицо. Боль отрезвляет.

— Ударить генерала Рефаимов?

— Я разрешаю. — Он улыбнулся краем губ. — Четвёртое:

после каждого сеанса ты рассказываешь мне, что чувствовала. Мне нужно понимать... что я делаю.

— Хорошо, — сказала я. — Тогда моё правило. Ты не касаешься меня, когда я сплю. И не приходишь в мою комнату без стука.

— Принято.

Он протянул руку. Не для «сеанса» — просто для рукопожатия.

Я вложила свою ладонь в его. На этот раз он сжал осторожно, будто держал стеклянную статуэтку.

— Сегодня вечером, — сказал он. — После заката. В моей комнате.

— Хорошо.

Он отпустил мою руку и вышел.

Я смотрела на дверь, которая закрылась за ним, и думала о том, что в его правилах не было ни слова о том, что делать, если я сама захочу его коснуться.

Вечером я пришла в его комнату.

Кассиан сидел на краю кровати — той самой, что стояла у стены, огромной и тёмной, — и ждал. Свечи горели на столике, отбрасывая длинные тени.

— Ты пришла, — сказал он.

— А ты сомневался?

— Немного.

Я села рядом. Между нами было расстояние в ладонь.

— Как это будет? — спросила я.

— Дай мне руку.

Я протянула ладонь. Он взял её — медленно, осторожно, — и я почувствовала знакомое тепло. Оно поднималось от места соприкосновения вверх, к запястью, к локтю.

— На этот раз не сопротивляйся, — прошептал он. — Просто дыши.

Я закрыла глаза. Вдох. Выдох.

Тепло стало сильнее. Я почувствовала, как что-то покидает меня — тонкой струйкой, как вода из треснувшего кувшина. И одновременно с этим — как его пальцы дрожат.

— Ада, — выдохнул он. — Ты... ты пахнешь дождём.

— Что?

— Твои эмоции. Они как... — Он замолчал. Я открыла глаза.

Его лицо было совсем близко. Я не заметила, когда он наклонился. Глаза — тёмные, бездонные — смотрели на меня, и в них было что-то, от чего у меня перехватило дыхание. Не голод. Не расчёт. Что-то другое.

— Как что? — прошептала я.

— Как гроза, — сказал он. — Как лето. Как... — Он снова замолчал. Его рука отпустила мою ладонь и поднялась к моему лицу. Пальцы остановились в дюйме от щеки. — Можно?

Я знала, что должна сказать нет. Что правила — только

руки. Что это опасно.

— Можно, — сказала я.

Он коснулся моей щеки. Ледяные пальцы скользнули по скуле, к подбородку, к губам.

И в тот момент, когда его большой палец коснулся моей нижней губы, меня накрыло.

Я почувствовала всё сразу: его холод, его голод, его одиночество — сотни лет одиночества, — и своё собственное желание, которое поднялось откуда-то из глубины, из места, о существовании которого я не знала. Это было нелепо. Опасно. Ненормально. Я должна была оттолкнуть его.

Вместо этого я подалась вперёд.

Поцелуй был не нежным.

Он был голодным. Отчаянным. Кассиан притянул меня к себе, и его губы обрушились на мои, и я почувствовала, как его холод обжигает, как лёд, который прижигает рану. Его руки скользнули по моей спине, сжали плечи, прижали к се-

бе так крепко, что между нами не осталось воздуха.

И вместе с поцелуем пришла боль.

Не физическая. Нет. Что-то внутри меня тянулось, рвалось, как струна, которую перетянули. Я почувствовала, как из меня уходит тепло — быстро, слишком быстро, — и как его тело напрягается, как его пальцы впиваются в мою спину.

Он отстранился первым.

— Стоп, — выдохнул он. — Стоп.

Я открыла глаза. Его лицо было искажено — не блаженством, как вчера, а чем-то похожим на ужас.

— Что? — прошептала я. — Что случилось?

— Ты... — Он посмотрел на свои руки, потом на меня. — Ты слишком много отдаёшь. Я не могу остановиться. Если бы ты не... если бы я не...

Я посмотрела вниз. На моей ладони снова была кровь — но не из пореза. Из-под ногтей. Я сжала его плечи так сильно, что содрала кожу.

— Я не чувствую боли, — сказала я. И это было правдой. Я чувствовала только жар. Только его.

Кассиан отстранился. Встал. Отошёл к окну, и я видела, как его плечи поднимаются и опускаются — тяжело, будто он пробежал марафон.

— Это опасно, — сказал он, не оборачиваясь. — Ты не понимаешь. Когда ты рядом, когда ты касаешься меня... я теряю контроль. Я могу выпить тебя до дна и даже не заметить.

— Но ты остановился.

— Потому что ты вскрикнула.

Я не помнила, как вскрикнула. Но, наверное, это было так.

— Кассиан. — Я встала. Подошла к нему. — Посмотри на меня.

Он обернулся. В его глазах было что-то, чего я не видела раньше. Страх.

— Я не хочу тебя убивать, — сказал он тихо. — Я не хочу, чтобы ты стала... как остальные. Пустой оболочкой. Я не могу.

— Тогда научись контролировать.

— Я пытаюсь. — Он сжал кулаки. — Но ты... ты делаешь это невозможным.

Я коснулась его руки. Он вздрогнул, но не отстранился.

— Тогда давай попробуем ещё раз, — сказала я. — Медленнее.

— Ада...

— Ты сказал, что без меня ты мёртв. — Я посмотрела ему в глаза. — А я не хочу быть мёртвой рядом с тобой. Так что давай найдём способ, чтобы мы оба остались живы.

Он смотрел на меня долго. Потом его губы дрогнули — не улыбка, но что-то близкое.

— Ты упрямая, — сказал он.

— Я знаю.

Он взял мою руку — осторожно, как в первый раз, — и поднёс к губам. Поцеловал костяшки пальцев. Медленно. Не

голодно. Нежно.

И в этот момент я поняла, что мы оба нарушили все правила.

Но остановиться уже не могли.

Глава 4. То, что осталось от крыльев

Утро началось с крика.

Я проснулась от того, что Мира трясла меня за плечо и что-то говорила — быстро, сбивчиво, — но я слышала только шум в ушах. Голова раскалывалась. Во рту был вкус металла.

— Ада! Ада, очнись!

Я открыла глаза. Потолок качнулся. Мира стояла надо мной, бледная, с расширенными глазами.

— Ты не просыпалась, — сказала она. — Я стучала, я кричала — ты не реагировала. Я думала, ты...

— Я в порядке. — Я села. Или попыталась. Тело отозвалось тупой болью — везде, будто меня били всю ночь. — Сколько времени?

— Полдень. Ада, что он с тобой сделал?

Я посмотрела на свои руки. Синяки на ладони побледнели, но появились новые — на запястьях, тонкие, как от верёвок. Я не помнила, чтобы он их сжимал.

— Ничего, — сказала я. — Всё нормально.

— Нормально? — Мира схватила меня за плечи. — Ты выглядишь как...

— Я знаю, как я выгляжу. — Я отстранилась. — Дай мне минуту.

Она отступила. Смотрела на меня, как на больную. Может, я и была больна.

Я встала. Подошла к зеркалу — впервые за всё время, что была в этом доме. В отражении на меня смотрела незнакомая женщина: бледная, с тёмными кругами под глазами, с искусанными губами. На шее — тонкая красная линия, будто от ожога.

Я коснулась её пальцами. Не помню.

— Он выпивает тебя, — сказала Мира за спиной. — Каждый раз, когда ты к нему прикасаешься, ты отдаёшь ему часть себя. И однажды отдашь всё.

— Я знаю.

— И ты продолжишь?

Я обернулась.

— А что ты предлагаешь? Убежать? Он найдёт. Он генерал Рефаимов, Мира. Ему подчиняются сотни. Мы не сможем скрыться.

— Тогда найди способ защититься.

Я посмотрела на неё. На её лицо — упрямое, злое, испуганное.

— Я работаю над этим.

Кассиан ждал меня в библиотеке.

Он сидел за столом, заваленным книгами — старыми, в потрескавшихся переплётах, с пожелтевшими страницами. Некоторые были раскрыты, другие лежали стопками на полу.

— Ты выглядишь ужасно, — сказал он, поднимая голову.

— Спасибо. Ты тоже.

Это было правдой. Впервые я видела его не безупречным: волосы растрёпаны, рубашка помята, под глазами — тени. Он не спал.

— Я искал всю ночь, — сказал он, отодвигая стопку книг. — Способы контролировать связь. Это... сложнее, чем я думал.

— Неудивительно. — Я села напротив. — Проводники рождаются раз в сто лет. Никто не писал пособий.

— Писали. — Он подвинул ко мне одну из книг. — Вот. Дневник Рефаима, который был привязан к Проводнику триста лет назад. Его звали Азраил.

Я взяла книгу. Страницы были исписаны мелким почерком, выцветшими чернилами. Язык — старый, но разборчивый.

— И что он пишет?

— Что связь можно контролировать, — сказал Кассиан.

— Но не так, как мы делали. Не через голод. Через... — он запнулся, — через доверие.

Я подняла на него глаза.

— Доверие?

— Проводник отдаёт эмоции, когда боится или когда его принуждают. Это инстинкт. Но если Проводник чувствует себя в безопасности... — Он замолчал. — Связь становится двусторонней. Не только он берёт. Но и отдаёт.

— Отдаёт что?

— Тепло. Эмоции. — Он посмотрел на меня. — Рефаимы не чувствуют ничего, кроме голода. Но через связь с Проводником мы можем... получать. Не только брать. Получать.

Я закрыла книгу.

— Ты хочешь, чтобы я тебе доверяла.

— Я хочу, чтобы ты не умирала. — Он сказал это просто, без пафоса. — А для этого мне нужно, чтобы ты перестала меня бояться.

— Я не боюсь тебя.

— Боишься. — Он наклонился вперёд. — Каждый раз, когда я касаюсь тебя, ты напрягаешься. Твоё тело готовится к боли. И это делает связь... голодной. Как будто ты отдаёшь мне больше, чем нужно, потому что не доверяешь.

Я молчала. Он был прав. Я не доверяла ему. Я не доверяла никому.

— Как мне научиться? — спросила я наконец.

Кассиан откинулся в кресле. Посмотрел на меня долгим взглядом.

— Расскажи мне что-нибудь, — сказал он. — Что-то, чего ты никому не говорила. Что-то, что делает тебя уязвимой.

— Зачем?

— Потому что доверие начинается с уязвимости. — Он пожал плечами. — Ты узнаешь меня. Я узнаю тебя. Мы перестаём быть... монстром и едой.

Я смотрела на него. На его лицо — усталое, серьёзное, без тени насмешки.

— Хорошо, — сказала я. — Но ты первый.

Он рассказал мне о крыльях.

— Они не болели, когда я падал, — сказал он. — Знаешь, что было самым страшным? Не высота. Не скорость. А тишина. Когда ты падаешь с Небес, ты не слышишь ничего. Ни ветра, ни криков. Только собственное сердце, которое бьётся всё медленнее. Потому что Рефаимы не созданы для падения. Мы созданы для полёта. И когда крылья ломаются, что-то внутри тебя ломается тоже.

Мы сидели на полу в библиотеке, между стеллажами. Кассиан говорил тихо, глядя в сторону, будто видел перед собой что-то, чего не видел я.

— Почему ты упал? — спросила я.

Он молчал долго. Я думала, что он не ответит.

— Я влюбился, — сказал он наконец.

Я замерла.

— В кого?

— В человека. — Он усмехнулся, но в усмешке не было веселья. — Её звали Лира. Она была... — он подбирал слова, — как свет. Я видел её каждый день на рынке, когда спускался с Небес. Она продавала цветы. Я покупал их, хотя не мог чувствовать запаха. Просто чтобы услышать её голос.

— И что случилось?

— Я рассказал о ней своему командиру. — Кассиан сжал кулаки. — Он сказал, что это нарушение. Что Рефаимы не могут любить людей. Что это делает нас слабыми. И он... — голос его дрогнул, — он убил её. На моих глазах. Чтобы преподать мне урок.

Я не знала, что сказать. Я просто сидела и смотрела на него — на Рефаима, генерала, Пожирателя душ, — и видела в нём что-то, чего не видела раньше.

— Я убил его, — продолжил Кассиан. — В тот же день. Разорвал на куски. А потом меня сбросили с Небес. За убийство. За любовь. За то, что я посмел чувствовать.

Он поднял на меня глаза.

— Ты спрашивала, почему я хочу контролировать связь. Вот почему. Я не хочу, чтобы история повторилась. Я не хочу, чтобы ты...

Он замолчал. Отвернулся.

— Чтобы я что? — спросила я.

— Чтобы ты стала второй Лирой.

Тишина повисла между нами. Тяжёлая, как вода.

Я протянула руку и коснулась его щеки. Он вздрогнул, но не отстранился.

— Кассиан, — сказала я. — Я не Лира. Я не цветы продаю. Я воровка из Нижнего города, которая украла кольцо у твоего лейтенанта и обогнала Рефаима. Меня так просто не убить.

Он посмотрел на меня. В его глазах было что-то, чего я не видела раньше. Не голод. Не страх. Что-то мягкое, осторожное, как первый шаг по тонкому льду.

— Ты упрямая, — сказал он.

— Ты повторяешься.

Он улыбнулся. По-настоящему. Впервые за всё время, что я его знала.

И в этот момент что-то изменилось. Не в нём — во мне. Я почувствовала, как напряжение уходит из тела. Как страх, который я носила с собой все эти дни, становится тише.

— Попробуем? — спросил он. — Сейчас. Без голода. Без страха.

Я кивнула.

Он взял мою руку — осторожно, как всегда. Но на этот раз я не напряглась. Я позволила себе расслабиться. Позволила себе чувствовать.

Тепло поднялось от ладони вверх — но это было не так, как раньше. Не было боли. Не было страха. Только тепло, мягкое и ровное, как вода в ванне.

Кассиан выдохнул. Его пальцы сжали мои — крепко, но не больно.

— Получается, — прошептал он.

— Получается, — согласилась я.

Мы сидели на полу в библиотеке, держась за руки, и я чувствовала, как что-то между нами меняется. Что-то, чего я не могла назвать.

Доверие.

Глава 5. Доверие на кончиках пальцев

Новый способ связи работал не так, как старый.

Раньше каждое прикосновение было борьбой: я отдавала — он брал, и чем сильнее был мой страх, тем голоднее становилась связь. Теперь всё было иначе. Я чувствовала, как тепло течёт между нами — туда и обратно, как вода в двух сообщающихся сосудах. Он брал мои эмоции — и отдавал что-то взамен. Не словами. Не жестами. Просто... теплом. Ощущением, что я не одна.

Мы тренировались каждый вечер.

Сначала — только руки. Ладонь к ладони, пальцы к пальцам. Кассиан сидел напротив меня на кровати, и мы дышали в одном ритме, пока связь не становилась ровной, как струна.

Потом — больше. Плечи. Предплечья. Однажды он коснулся моего лица — медленно, будто спрашивая разрешения, — и я не вздрогнула.

— Ты привыкаешь, — сказал он.

— Ты тоже.

Это была правда. Его пальцы больше не были ледяными. Или это я согревала их.

На пятый вечер он предложил попробовать что-то новое.

— Кожа к коже, — сказал он. — Не только руки. Спина. Может быть... — он запнулся, — больше.

Я сидела на краю его кровати, натянув рубашку до колен. Он был в одной футболке — простой, тёмной, — и я впервые видела его руки целиком: бледные, с сетью шрамов, которые тянулись от запястий к локтям.

— Ты уверен? — спросила я.

— Нет. — Он усмехнулся. — Но я хочу попробовать. С тобой.

Я кивнула.

Он сел позади меня. Я чувствовала его дыхание на затыл-

ке — холодное, ровное. Его руки легли мне на плечи — осторожно, будто он держал что-то хрупкое.

— Если станет больно — скажи.

— Если станет больно — ты остановишься.

— Обещаю.

Он провёл ладонями по моим плечам — вниз, к лопаткам. Медленно. Я закрыла глаза.

Тепло поднялось от места прикосновения — но это было не то тепло, что раньше. Оно растекалось по телу, как мёд, густое и сладкое. Я почувствовала, как напрягаются мышцы — не от страха, от чего-то другого.

— Как ты? — спросил он.

— Хорошо. — Голос был хриплым. — Продолжай.

Он продолжил. Ладони скользнули ниже — по спине, к талии, — и я выгнулась, сама не понимая, почему. Дыхание сбилось.

— Ада...

— Не останавливайся.

Он не остановился.

Я чувствовала его руки на своей коже — тёплые, уверенные, — и с каждым прикосновением связь становилась сильнее. Она текла между нами, как кровь по венам, и я чувствовала его — его голод, его одиночество, его желание. Но теперь это не пугало. Теперь это было... приятно.

Я обернулась. Его лицо было совсем близко. Глаза — тёмные, бездонные — смотрели на меня, и в них было что-то, чего я не видела раньше. Не голод. Не страх. Желание.

— Кассиан, — прошептала я.

Он коснулся моего лица. Большой палец скользнул по губам.

— Можно? — спросил он.

Я не ответила. Я подалась вперёд и поцеловала его сама.

Это было не так, как в первый раз.

Тогда поцелуй был голодным, отчаянным, болезненным. Теперь он был медленным. Изучающим. Кассиан целовал меня так, будто запоминал каждую линию, каждый изгиб. Его руки лежали на моей талии, и я чувствовала, как связь пульсирует между нами — ровно, глубоко, как сердцебиение.

Я расстегнула пуговицы на его рубашке. Одну за другой. Он не остановил меня. Только выдохнул, когда мои пальцы коснулись его груди.

— Ада...

— Тихо.

Я провела ладонями по его груди — бледной, гладкой, без шрамов, — и почувствовала, как он вздрагивает. Не от боли. От чего-то другого.

— Ты уверена? — спросил он.

— Нет. — Я улыбнулась. — Но я хочу попробовать.

Он снял с меня рубашку. Медленно, будто давая мне вре-

мя передумать. Я не передумала.

Мы не дошли до конца в ту ночь.

Остановились на полпути — когда связь стала слишком сильной, слишком яркой, и я почувствовала, что ещё немного — и я потеряю себя. Кассиан отпустил меня первым.

— Хватит, — выдохнул он. — На сегодня хватит.

Я лежала рядом с ним, чувствуя, как моё тело гудит от напряжения. Его рука лежала на моей талии — тёплая, тяжёлая.

— Почему ты остановился? — спросила я.

— Потому что ты была на грани. — Он повернул голову. — Я чувствую это через связь. Ты отдавала слишком много.

— А ты?

— А я... — Он замолчал. — Я чуть не потерял контроль.

Я повернулась к нему. Наши лица были совсем близко.

— Но ты не потерял.

— С тобой — нет. — Он коснулся моего лица. — С тобой я не хочу терять контроль. Я хочу... — он подбирал слова, — чувствовать. Не брать. Чувствовать.

Я поцеловала его — медленно, нежно, — и почувствовала, как связь между нами становится тише. Ровнее. Как будто мы оба нашли что-то, что искали.

— Завтра, — сказала я. — Продолжим завтра.

Он улыбнулся.

— Завтра.

Глава 6. Тот, кто видел слишком много

Утро началось с запаха дыма.

Я проснулась раньше Кассиана — впервые за всё время. Он спал рядом, на боку, положив руку мне на талию. Во сне его лицо было спокойным. Молодым. Без той вековой усталости, которая всегда лежала на нём, когда он бодрствовал.

Я осторожно убрала его руку и встала. Накинула рубашку. Подошла к окну.

Дым поднимался с Нижнего города — три столба, чёрных, густых. Пожары. Но не стихийные: слишком ровные, слишком далеко друг от друга. Кто-то поджигал кварталы.

Я открыла окно. В лицо ударил холодный воздух, и вместе с ним — звуки. Крики. Лязг металла. Топот ног по мостовой.

Кассиан проснулся мгновенно — Рефаимы не знают, что такое «потягиваться в постели». Он оказался рядом со мной за секунду, и его лицо, только что спокойное, стало жёстким.

— Что происходит?

— Не знаю. — Я кивнула на город. — Пожары в Нижнем. И...

Я замолчала. По улице под окнами шли Рефаимы — не двое, не трое. Десятки. В полном доспехе, с копьями. Они двигались к центру города, к Верхнему ярусу.

— Это не мои люди, — сказал Кассиан. Голос был ровным, но я чувствовала через связь: он встревожен. — Я не отдавал приказ.

— Тогда чьи?

Он не ответил. Смотрел на улицу, и в его глазах что-то менялось — от удивления к пониманию, а от понимания к гневу.

— Оставайся здесь, — сказал он, отходя от окна. — Не выходи из комнаты. Никому не открывай.

— Кассиан...

— Пожалуйста. — Он обернулся. Впервые за всё время он выглядел не генералом, не монстром. Он выглядел испу-

ганным. — Если это то, что я думаю, тебе нельзя попадаться им на глаза.

Он ушёл, не объяснив ничего.

Я не осталась в комнате.

Прошло десять минут. Потом двадцать. Из коридора доносились голоса — мужские, резкие. Я слышала, как Кассиан что-то говорит, и как ему отвечают — холодно, с презрением.

Я выскользнула из комнаты и пошла на звук.

В гостиной стояли трое. Двое — в серебряных плащах, с копьями. Третий — высокий, с белыми волосами, в доспехе, украшенном золотом. На его лице была улыбка, от которой у меня по спине пополз холод.

— ...не твоё дело, Кассиан, — говорил он. — Совет принял решение. Ты отстранён от командования до выяснения обстоятельств.

— На каком основании? — Голос Кассиана был ледяным.

— На основании доноса. — Беловолосый достал из-за пазухи свиток. — Ты укрываешь Проводника. Человека, который может дать Рефаиму эмоции. Это нарушение Первого Закона. Ты знаешь, что бывает за нарушение Первого Закона.

Кассиан молчал.

— Кто донёс? — спросил он наконец.

Беловолосый улыбнулся шире.

— Я.

Он повернулся — и увидел меня.

Я стояла в дверях, в рубашке до колен, с растрёпанными волосами. Идеальная мишень.

— А вот и она, — сказал беловолосый. — Проводник. — Он склонил голову набок. — А ты красивее, чем я думал. Кассиан всегда выбирал... особенных.

— Не смей на неё смотреть, — сказал Кассиан.

— Или что? — Беловолосый обернулся к нему. — Ты уже не генерал, Кассиан. Ты преступник. И она — твой сообщник. Совет решит, что с вами делать.

Он сделал шаг ко мне. Я не двинулась.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Ада.

— Ада. — Он произнёс моё имя так, будто пробовал на вкус. — Я — Азраил. Второй генерал Небесного яруса. И я хочу предложить тебе сделку.

— Не слушай его, — сказал Кассиан.

Азраил не обратил на него внимания.

— Ты отдаёшь мне то, что даёшь ему. — Он кивнул на Кассиана. — Становишься моим Проводником. А я, в свою очередь, забываю о доносе. Кассиан остаётся генералом. Ты остаёшься жива. Все довольны.

— Ада, не...

— А если я откажусь? — спросила я.

Азраил улыбнулся.

— Тогда Совет узнает, что Кассиан нарушил Первый Закон. Его казнят. А тебя... — Он пожал плечами. — Тебя отдадут мне в качестве трофея. Проводники редки. Мы найдём тебе применение.

Я почувствовала, как через связь от Кассиана идёт волна — холодная, яростная. Он был готов убить. Но не мог: двое стражей, копья, Азраил. Он бы не успел.

— Дай мне подумать, — сказала я.

Азраил кивнул.

— До заката. — Он повернулся к выходу. — Если не придёшь — я приду сам. И тогда разговор будет короче.

Он ушёл. Стражи последовали за ним.

Кассиан стоял посреди гостиной, сжав кулаки. Я подошла к нему.

— Кто это?

— Азраил. — Он выдохнул. — Мой бывший командир. Тот, кто убил Лиру.

Я замерла.

— Тот самый?

— Да. — Он посмотрел на меня. — Он знает, что я слаб. Он знает, что я привязан к тебе. И он хочет использовать это.

— Что нам делать?

Кассиан молчал. Я чувствовала через связь, как он борется с собой. Гнев. Страх. Что-то ещё — тёмное, отчаянное.

— Есть только один способ, — сказал он наконец. — Убить его.

— Убить второго генерала Рефаимов?

— Он убьёт нас первым. — Кассиан взял меня за руки. — Ада, послушай. Я не могу позволить ему забрать тебя. Я не могу потерять ещё одного человека, которого...

Он замолчал. Сглотнул.

— Которого? — спросила я.

— Которого я люблю.

Слова повисли в воздухе. Тяжёлые. Настоящие.

Я смотрела на него — на Рефаима, генерала, Пожирателя душ, — и понимала, что это не игра. Не расчёт. Не голод.

— Я тоже, — сказала я. — Не знаю, когда это случилось. Но я тоже.

Он притянул меня к себе. Обнял — крепко, отчаянно, — и я почувствовала, как через связь идёт тепло. Не голод. Не страх. Что-то другое.

— Тогда мы убьём его вместе, — сказала я.

Кассиан отстранился. Посмотрел на меня.

— Ты понимаешь, что это значит? Если мы проиграем...

— Мы не проиграем. — Я сжала его руку. — Ты генерал. Я воровка. Мы справимся.

Он улыбнулся. Впервые за всё утро.

— Ты упрямая.

— Ты повторяешься.

Глава 7. Оружие

Азраил дал нам до заката. У нас было шесть часов.

Кассиан начал с того, что запер все двери и задёрнул шторы. Потом вывалил на стол содержимое сундука, который я раньше не замечала — он стоял в углу библиотеки, заваленный книгами.

— Это моё, — сказал он, будто извиняясь. — Осталось с Небес.

На столе появились клинки. Три. Тонкие, серебряные, с рукоятями, обмотанными кожей. Кассиан взял один, повертел в руке, и лезвие вспыхнуло голубым.

— Рефаимское серебро, — сказал он. — Ранит нас так же, как и вас. Может быть, даже сильнее.

— Ты хочешь, чтобы я дралась? — Я смотрела на клинки с сомнением. — Я воровала хлеб и кольца. Я не убивала.

— Азраил не оставит тебе выбора. — Кассиан пододвинул ко мне один из клинков. — Он убьёт тебя, если ты не будешь готова.

Я взяла клинок. Он был тяжелее, чем казался. Тёплый — будто живой.

— Хорошо, — сказала я. — Учи.

Мы тренировались в подвале.

Кассиан снял с себя рубашку — «не хочу, чтобы ты порезала мне спину» — и встал напротив меня. Бледная кожа, шрамы, мышцы, которые не выглядели как у людей: слишком ровные, слишком точные.

— Не смотри на меня так, — сказал он.

— Как?

— Как будто хочешь меня съесть.

Я усмехнулась.

— Это ты у нас Пожиратель душ.

— А ты, кажется, забыла, кто здесь человек и кто монстр.

Он шагнул вперёд — и я едва успела отскочить. Клинок в его руке описал дугу, прошёл в дюйме от моего плеча.

— Быстрее, — сказал он. — Ты двигаешься, как человек.

— Я и есть человек.

— Тогда двигайся, как воровка, которая обогнала Рефаима.

Это задело. Я собралась, и следующая атака Кассиана встретила мой клинок — со звоном, от которого заложило уши.

— Вот, — сказал он. — Уже лучше.

Мы двигались по подвалу, и я чувствовала, как через связь идёт... что-то. Не слова. Не эмоции. Ощущение. Он думал о том, что делает, и я это чувствовала. За мгновение до удара.

— Ты подсказываешь мне, — сказала я, отбивая очередную атаку.

— Нет.

— Подсказываешь. Через связь. Я чувствую, куда ты собираешься бить.

Кассиан остановился. Опустил клинок.

— Это... — он задумался, — интересно. Я не знал, что связь работает в обе стороны. Не только эмоции. Но и...

— Мысли? Намерения? — Я тоже опустила клинок. — Если мы можем чувствовать друг друга в бою, это преимущество.

— Или проблема. — Кассиан подошёл ближе. — Если Азраил узнает, что мы связаны, он может использовать это против нас.

— Как?

— Он может попытаться разделить нас. Физически. Или... — Кассиан замолчал. — Или заставить меня чувствовать то, что я не хочу чувствовать.

Я поняла.

— Он может напасть на меня. И ты почувствуешь мою

боль.

— Да. — Кассиан посмотрел на меня. — И если я потеряю контроль, я могу...

— Ты не потеряешь. — Я взяла его за руку. — Мы тренировались. Ты умеешь останавливаться.

— С тобой. — Он сжал мою ладонь. — С тобой я умею. Но в бою...

— Тогда давай тренировать и это.

Мы придумали сигнал.

Один короткий сжатие — «я рядом». Два — «отступай». Три — «стоп, опасно».

— Если я чувствую, что ты теряешь контроль, — сказала я, — я сожму твою руку три раза. Ты остановишься. Что бы ни происходило.

— А если я не смогу?

— Сможешь.

— Ада...

— Сможешь. — Я посмотрела ему в глаза. — Ты остановился, когда я вскрикнула в первый раз. Ты остановился, когда чуть не выпил меня до дна. Ты сможешь.

Он молчал. Потом кивнул.

— Хорошо.

Мы вернулись к тренировке. Я училась двигаться быстрее, чем человек. Он учился не убивать.

К закату я устала так, что едва стояла на ногах. Всё тело болело — от ударов, от падений, от резких разворотов. Кассиан тоже выглядел измотанным. Но в его глазах был блеск, которого я не видела раньше.

— Ты хороша, — сказал он. — Для человека.

— А ты хорош. Для монстра.

Он улыбнулся.

— Нам нужно ещё кое-что попробовать. — Он подошёл ко мне. — Связь в бою — это не только сигналы. Это... — он запнулся, — близость. Чем ближе мы физически, тем сильнее связь. Тем быстрее я чувствую твои намерения. Тем быстрее ты чувствуешь мои.

— Ты предлагаешь...

— Драться вместе. Спиной к спине. — Он обошёл меня, встал за спиной. Я чувствовала его тепло — через одежду, через воздух, через связь. — Так.

Я кивнула. Мы встали спина к спине, клинки наготове. В подвале было тихо — только наше дыхание.

— Чувствуешь? — спросил он.

Я прислушалась к себе. К связи.

— Да. Ты... — я уловила что-то, — ты думаешь о том, что слева.

— А ты — что справа.

Мы стояли так, и я чувствовала, как связь между нами становится плотнее. Тяжелее. Как будто мы были не двумя

людьми, а одним существом с двумя телами.

— Это... — я выдохнула, — странно.

— Это работает. — Кассиан повернул голову. Я почувствовала его губы у своего виска. — Если мы будем драться так, Азраил не сможет нас разделить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.